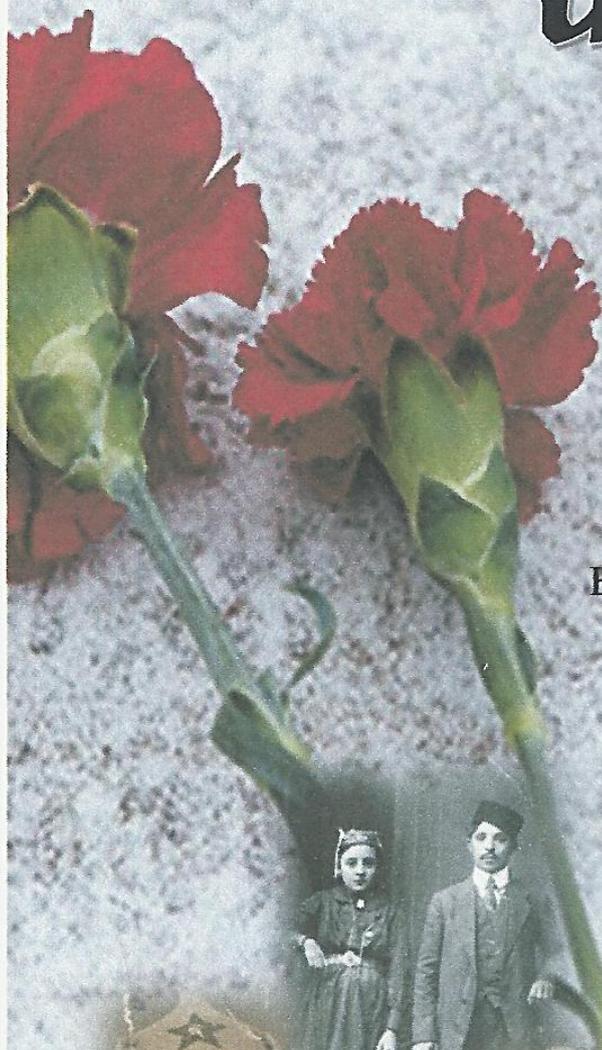

**30 октября –
всероссийский
День памяти
жертв
политических
репрессий**

И помнить страшно, и забыть нельзя

Воспоминания жителей Орды и района

И помнить страшно, и забыть нельзя: воспоминания жителей Орды и района / Сост. И.И.Тимофеева, Г.П.Феденёва; МБУ «Межпоселенческая центральная библиотека» Ординского муниципального района. – Орда, 2017. – 36 с.

Цель создания брошюры – сохранить память о жертвах политрепрессий. О невинных людях, которых когда-то лишили всего и отправили выживать в глухую уральскую тайгу, о невинно расстрелянных в годы «большого террора».

«Репрессированных осталось очень мало... и они должны получить компенсацию моральную, а именно – признание государством и обществом того, что сделанное против них было делом несправедным».

Галина Янковская
историк, культуролог, доктор исторических наук,
профессор Пермского ГНИУ

*Эту историю о своей жизни рассказали
сёстры **Клавдия Трофимовна Кашина 1912 г.р. и
Александра Трофимовна Якунина 1918 г.р.,**
в девичестве Алябушевы*

- Жили мы в Орде, семья состояла из 8 человек. Хозяйство было крепкое: держали лошадь, корову, другую живность, а еще сами для себя строили дома, месили глину, делали кирпич. Отец сказал: «Пока дом каждому не построим, будем жить вместе». Вот и трудились, не покладая рук, - рассказывает Клавдия Трофимовна, которой было тогда 18 лет.

- В 1930 году пришли нас выселять, мол, освобождайте дом. Ничего с собой забрать не разрешили, указали место за Ордой на угоре, среди камней, сказали: стройтесь и живите здесь. 3 года, - говорит Клавдия Трофимовна, - не разрешали садить огород, постоянно проверяли. Я была старшая, ходила в ясли на работу, а малыши милостыню просили: кто хлеба даст, кто картошки. Стыдно было, все нас знали, говорили: «Опять Шурка Алябушева ходит, милостыню просит». Сестра попросила мать отдать её в няньки, мол, стыдно ходить попрошайничать. И мать отдала её в няньки в семью начальника милиции. Ей было только 11 лет, а она уже пеленки стирала, ребёнку носила на руках. Бывало, приду вечером её проведать, а она стирает, руки в кровь истёрты, не может отстирать. Наревусь с ней, помогу и домой бегу. Брат тоже жил у богатых в работниках.

Вот так и выжили, миром выжили, люди добрые помогли. Всё пережили, все умерли, а мы вот с сестрой доживаем вдвоём, детей нет: у меня умерли 2 сынка, у Шуры дочь в 19 лет умерла.

За что нас выгнали из дома? Мы не пили, не бродяжничали, а работали, дома строили, заняты все были делом. Разве плохое кому что-то сделали? Мне уже 94 года, а помню всё и до сих пор реву. Кому мы мешали? Как выжили - одному богу известно...

Пятунин Александр Андреевич, пенсионер

Мою маму звали Пятунина (Бернгардт) Полина Августовна. Она родилась в 1923г. в Крыму, умерла в 2017 году в г.Кунгур. Мамин дядя по матери Келлерман Антон Иосифович, красноармеец, кавалерист в 1938 году осуждён как "враг народа", сослан и никаких вестей о нём больше нет. Отца мамы, моего дедушку, Бернгардт Августа (родился: Крым, г.Джанкой, д.Бишпек), члена

колхоза, беспартийного в 1937 году увезли как "врага народа" и больше его никто не видел. В августе 1941 года оставшихся членов семьи Бернгард: мою бабушку, мамину маму Екатерину Иосифовну, маму Полину и её брата Антона выслали в Ставропольский край по национальному признаку, затем в Северный Казахстан, а затем на Урал, в город Кунгур. Брат мамы Антон Августович работал на шахте в Тульской области. Похоронен в г.Кунгур. Мама вышла замуж за Пятунина Андрея Алексеевича. У них родилось четверо детей.

Из маминых воспоминаний:

"В школе преподавание шло на немецком языке. В 1936 году всех немецких учителей арестовали, отправили в тюрьмы. Все предметы стали преподавать на русском языке. Немецкий оставили только как иностранный язык. Всех мужчин стали забирать, арестовывать. Помню учительницу Роню Ефимовну, еврейку. Была очень хорошая. У нас было много евреев, татар. Мы маленькие бегали смотреть на татарские свадьбы. Меня отец везде брал с собой. Сейчас слышу про Джонкой говорят, а про нашу станцию Воинка ничего нет. (Воинка - железнодорожная станция в Крыму на линии Джанкой - Армянск).

Потом началась война.

В Крыму разрешали брать на человека не более 25 кг. Сказали брать зимние вещи, а у нас ни у кого даже зимнего пальто не было.

ПОБЕДА. Война кончилась. В то время работала в прачечной. Вечером пошли с работы в барак, около Дома пионеров у моста (Сылвенского) был уже народ. Ждали сообщение. Утром мы снова были на работе в прачечной и слышим - бегут, кричат: "Кончилась война". Вышли. Кто идёт плачет. Объявили всем выходной. Сколько было слепых, сколько безруких! С Москвы, больших городов всех инвалидов убирали. Это было ужасно.

Сколько воду носили! Никто не жаловался. И дети носили. Идём по улице. Мы с Люшей идём. Спрашивают: "Это что, ваша девочка?" Я говорю - моя. "А мы - то думали, что она у мачехи живёт!" У них с Милькой были коромыслечки маленькие и ведёрочки на 5 литров."

И. Зубова, дочь спецпереселенца

Мой дедушка П. А. Вайц, по происхождению немец Поволжья, проживал со своей семьёй в Саратовской области, но был выслан в Омскую. Жена его умерла, когда последнему ребёнку было 2 года. Им и был мой отец Андрей Петрович Вайц. Дедушка не вынес оскорбления, нанесённого ему этой высылкой, и скончался в 1943 году. Дети сами

занимались своим воспитанием. Отца в возрасте 15 лет «забрали» в трудовую армию. Отправляя молодых людей на Урал «добывать уголёк», военком говорил о том, что война продлится 4 месяца, и они снова вернутся к родственникам. Но всё оказалось иначе. Папу привезли в Губахинский район, пос. Усьву (трест «Андреевуголь»), где он трудился на шахте имени Калинина. Формально трудармейцы репрессированными не считались, но на основании введённых в годы войны правил и инструкций, они были лишены свободы передвижения. Трудармейцам запрещалось хранить паспорта и военные билеты. Самовольные отлучки из трудпосёлков приравнивались к дезертирству с поля боя, с вытекающими отсюда наказаниями.

Сама жизнь в бараках ничем не отличалась от «зековской».

Вывод на работу строим через вахты, многочисленные проверки. Все эти и другие ограничения придавали человеку совсем иной статус. Труд не за совесть, а за страх, не по воле, а по принуждению, не там, где выберешь, а там, где прикажут.

Среди молодых людей шли «разговорчики» отнюдь не благостного характера: «Мобилизованные немцы находятся в худшем положении, чем обычные заключённые. Мы не имеем никаких прав. Нас сюда привезли для издевательств. Война никакого отношения не имеет к мобилизации немцев, это произвол на местах».

Много ребят погибло в шахте. Мой отец выстоял, пройдя через все оскорбления и унижения по национальному признаку. Проработав в шахте 35 лет, в 50 вышел на пенсию. Он мало говорил о себе, больше молчал, и только всё думал и думал, вспоминая о прошлом...

В 65 лет папа умер, так и не рассказав о многом. Только фотографии, письма напоминают нам, его детям, рождённым в местах спецпоселения, об отце, скупо рассказывают о его жизни.

*Голенков Роман Кириллович, 1893г.р., уроженец с.Рухань
Рославского района Смоленской области,*

отец Галайдиной Надежды Романовны, до ареста проживал на хуторе Барашки Конюховского района Северо-Казахстанской области
«Весь Петропавловск объехал, а складешка не нашёл», - сказал он в колхозе «Искра». Не думал, не гадал, что эта фраза будет стоить ему жизни. Забрали в мае 1948 года и 9 июля 1948 года приговором судебной коллегии по уголовным делам Северо-Казахстанского суда осудили по ст.58-10 ч.2 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на 3года. По приговору суда Голенков Р.К.

был признан виновным в том, что в годы Великой Отечественной войны проводил антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию существующего строя, восхвалял жизнь в капиталистических государствах.

Галайдина Надежда Романовна: «Забрали в 1948 году в мае, посадили на 7 лет. Там и умер. Остались мама, я (мне

исполнилось 14 лет), замужняя сестра и три моих брата на фронте. От отца осталось письмо, написанное сокамерниками».

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 27 октября 1989 года приговор судебной коллегии по уголовным делам Северо-Казахстанского облсуда от 9 июля 1948 года в отношении Голенкова Романа Кирилловича отменён и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Голенков Р.К. по данному делу реабилитирован.

Семья Громаковских

Громаковские Виктор Маркович и Ольга Стефановна, проживали в деревне Громаки Луполовского р-на Могилевской области республики Беларусь. Виктор Маркович бывший красный командир, придя с гражданской войны, построил дом из пяти комнат. Когда семья подверглась репрессиям, этот дом перевезли в райцентр под детский сад. 8 февраля 1930 года он был арестован. Когда хозяина дома арестовывали, пять подвод приехали в ограду. Ядвига Викторовна, которой на тот момент было пять лет, рассказывает. "Мы с братом были детьми и нам всё было интересно. Мама не пускала, я всё равно выбежала из дома в валеночках и платице.

У меня прямо на крылечке валеночки с ног сняли. Стулья и зеркала били прикладами". 22 марта 1930 Виктор Маркович осуждён за антисоветскую деятельность и выслан в Севкрай по 2-й категории. Семью выслали в Пермскую область.

Были высланы: Громаковские - Виктор Маркович глава семьи, Ольга Стефановна жена, Янина дочь, Вацлав сын, Ядвига дочь, Тадеуш сын, Розалия Марковна сестра, Недзвецкие: Стефан - тесть, отец жены, Адам Стефанович- брат жены.

Старшей дочери Янине было 10 лет, сыну Вацлаву 7 лет, двойняшкам Ядвиге и Тадеушу по 5 лет.

"В апреле нас погрузили в теплушки и три месяца везли от Могилёва до Соликамска. По дороге много людей умирало. Спали на нарах из сырых досок. Волосы примерзали к стене. От Соликамска шли лесом 140 километров. Привели в глухой лес. Мужчины валили лес и строили бараки. Многие умирали, особенно дети. И поэтому детей разрешили увезти к родственникам в Белоруссию. Мама везла нас четверых и ещё шесть чужих детей. Там мы жили у тёти, папиной сестры. Затем, когда отец из деревни Усть-Долгая завербовался в посёлок Губаху, нас обратно привезли из Белоруссии. По дороге мы заехали в Москву к маминой сестре. Они с мужем генералом оставили у себя Вацлава".

Наступил 1937 год. 13 октября 1937 г. Виктора Марковича снова арестовали. Ядвига Викторовна: "Когда отца в 1937 году арестовали, был обыск. Даже пол вскрывали. Я из учебника истории не вырезала всех "врагов народа". Брат вырезал, а я кого-то оставила. И меня спрашивали, почему я это сделала. А я не знаю. По моему, это был Урицкий".

4 ноября 1937 года его обвинили в контрреволюционной, диверсионной деятельности, антисоветской агитации. Расстреляли 13 ноября 1937 г. А 14 февраля 1938 г. была арестована Ольга Стефановна. За ней пришли в 5 часов утра. Обыск уже не делали. Позднее была отпущена так как дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Шесть месяцев младшие дети Ядвига и Тадеуш жили одни без родителей в бараках. Люди не давали им ни куска хлеба, родные тоже их не забрали - боялись. Комендант поселения сдал их в детдом. Их привезли в Свердловск в приёмник-распределитель. Ядвига и Тадеуш из приёмника - распределителя через 25 дней были направлены в детский дом деревни Черепаново Каргопольского района. По окончании четырёх классов их перевели в Верхнеуральск. С 1938 по 1941 годы жили в детдоме. "Пять лет жила в детдоме, не пивала сладкого чая и не съела ни одной конфеты. Кормили плохо. Пять маленьких картошек в мундире и крупная соль. Затем из миски убирали очистки и туда черпаком наливали чай. Вечером - каша овсяная. Смеялись: Что вы дети ржёте, мы наелися овсу. Нас не успевали

переодевать. До апреля ходили в валенках, до января в брезентовых туфлях. Жили отдельными группами. Дом-наша группа, дом - мальчиков, дом - другая группа, дом - столовая, мастерские. Ребят столярничать учили, а мы шили. Столы вытирали мётлами, триста человек надо было накормить. Учителя для нас были боги. 30 января 1941 года маму в гипсе и меня забрала старшая сестра в Орду. Летом началась война. Начиная с 8 класса с 5 утра и до 12 ночи работали в поле. Дёргали лён, колотили его, дёргали горох. Бригадир Антонина Кузьмовна Чеглакова варила горошницу. Всё и питание. Нанималась к людям работать, перелицовывала одежду, шила, порой падала с ног от усталости. Карточек не было. Я спросила маму, за что их с отцом арестовали. Её обвинили в том, что она якобы, взорвала мост висячий через речку Косьву. А папа взорвал шахту Первомайку. Допрашивали маму целую ночь, даже не пускали в туалет. Держали на цементном полу. В результате она заболела и оказалась полностью закованной в гипс", - снова рассказывает Ядвига Викторовна.

Брат Тадеуш Викторович остался в Магнитогорске в детдоме, когда Ядвига уехала в Орду. Его забрали учиться в ремесленное на сталевара. Он всю войну проработал на мартеновской печи сталеваром. Закончил сельхозинститут. Умер в 60 лет от рака лёгких.

Вацлава Викторовича забрала в свою семью сестра отца, проживающая в Ленинграде. Мальчику сменили имя, фамилию и отчество. Окончил 10 классов, в Великую Отечественную воевал. После окончания войны окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Генерал МВД, преподаватель, написал книгу-учебник. Работал в обкоме Ленинграда.

"Отец был небогатый. Две лошади, две коровы. Разводил племенных бычков. Но посев был самый лучший. Мне рассказывал это его брат, когда ездили в Белоруссию. Мы приехали к папиной сестре. Приходили люди, которые знали родителей и были нам очень рады. Кто сметану несёт, кто творог, кто молоко. Значит, помнили, значит, родители были хорошие люди", - говорит Ядвига Викторовна Громаковская (Первова). Громаковская Янина

Викторовна всю жизнь проработала в Ординской школе. Вместе с мужем воспитали двух дочерей.

Дочь Тамара Леонтьевна Камарьян об отце
Камарьян Леонтий Иванович, 1929 г.р. Родом из Краснодарского края. Выселили вместе с отцом Иваном, матерью Анной и братьями Андреем, Павлом, Александром.

*Воспоминания Касеева Егора Константиновича,
записала дочь Вера Егоровна Юшкова*

Семья жила в селе Карачель Карасубазарского района Крымской области (*ныне село Чернополье в Белогорском районе Крыма*). Жили мы небогато в саманном доме. Отец работал бригадиром овощеводческой бригады. Звали его Касеев Константин Федосеевич. А мама, Касеева (Заставская) Матрёна Яковлевна, работала на разных работах. В нашем доме было 3 комнаты. Спали все дети на полу.

Когда началась война, мне было 9 лет, и я помню только отрывками. Помню, бомбили город Белогорск. Было очень страшно.

После освобождения Крыма начались репрессии. Я дату точно не помню, но однажды к нам пришла тётя Поля Давыденко, у неё муж был партийным, работал в колхозе бухгалтером. Поэтому они знали, что ночью будут вывозить всех нерусских. Маму предупредила, чтобы приготовила все документы и собрала кое какие вещи. Изорвала простыни и каждому приготовила по узелку. В 12 часов ночи к нам зашёл человек с винтовкой и приказал собираться. Мама спросила: «Кого вывозят?» Последовал ответ: «Всех нерусских». Тогда она достала своё свидетельство о рождении и показала, что она русская. И нам разрешили остаться, но сказали, чтобы фамилию она называла Заставская. И пока мой отец не вернулся из армии, мы жили в своём селе. После окончания войны, когда вернулся мой отец домой, его вызвали в военкомат, дали ему бесплатный литер. Через неделю нас отправили на Урал на машине ЗИС-5 до Симферополя. Мы доехали до Москвы. И там сидели на Курском вокзале целую неделю, так как бесплатный литер нам дали только до Москвы. Целую неделю наш отец ходил по Москве и искал организацию, где нужно было получить бесплатный литер до Урала. В Москве люди даже не знали, что из Крыма кого-то высылали. С горем пополам добрались до Перми. Мы

жили у Дымченко Николая в бараках, где не помню, только помню, что оттуда я бегал на Каму. Через неделю нас отправили в Кунгур. За нами туда пришла машина ЗИС-5 и увезла нас в Семсовхоз, но там нам не разрешили остаться. За нами прислали две подводы на санях и привезли нас в Орду до бабки «Колды» - Игоньшиной Натальи. В деревне её звали бабка Колды, так как все её разговоры начинались со слова колды. Меня отправили в школу в Рубежево в третий класс. До конца учебного года я кое-как доучился. Все дети надо мной смеялись. Они были маленькие, а я - большой, ведь пять лет в школу не ходил. На следующую осень, 1 сентября, я в четвёртый класс не пошёл. К нам пришла учительница Шукшина Мария Ивановна и спросила, почему я не хожу в школу? Я сказал, что больше в школу не пойду. На что отец спросил: «А что будешь делать?» Я ответил: «Пасты телят». И три года я пас телят с Астафьевой Федорой Сергеевной. Она получала как старший пастух 2 трудодня, а мне начисляли 1 трудодень.

Мне Федора объяснила, что если Кузьма (председатель колхоза) даст по 1 кг хлеба, то ты получишь 30 кг хлеба, а если по 2 кг, то хлеба ты получишь 60 кг.

Через три года меня отправили на курсы трактористов. Там я проучился три месяца и после окончания курсов, я работал в нашем колхозе два года на тракторе «Универсал», а затем на «колёснике».

В Орде нас поселили сначала в дом № 58 на улице Пугачёва. Дом был худой, холодный. Жили впроголодь. Хлеба давали мало, картошку покупали. Откуда деньги? Нам, когда мы уезжали из Крыма, дали на сборы неделю. Мы продали корову и кое какие вещи, домашнюю утварь. Так вот, так как хлеба было мало, мама в квашню добавляла картошку. Хлеб испекла, корка блестит как стекло, а внутри мякиш был сырой. Как только хлеб остыл он превращался в стеклянную булку. Хорошо тогда зубы были. Всё равно грызли. Мама ходила по соседям и её научили в муку добавлять не сырой картофель, а варёный. Такой хлеб есть было намного приятней.

(Вскоре после освобождения Крыма, согласно Постановлению ГКО № 5984сс от 2 июня 1944 года, 27 июня крымские греки были депортированы в Пермскую область и Среднюю Азию. 12 августа 1944 года было принято постановление № ГОКО-6372с «О переселении колхозников в районы Крыма», по которому в район из Тамбовской и Курской областей РСФСР переселялись 8100 колхозников. Указом

Президиума Верховного Совета РСФСР, от 18 мая 1948 года, Карачёль был переименован в Чернополье).

Надежда Матвеевна Коровашкова (Дьячук)

*родилась во Владимир-Волынской области
Украинской ССР, граничащей с Польшей*

Семья жила единолично, имела 30 га земли. Весной хутор утопал в цвету: сад, раскинувшийся на двух гектарах, обильно плодоносил. Держали двух лошадей, трех-четырёх коров, другую живность.

Надежда Матвеевна помнит 1939 год, когда немцы напали на Польшу и дошли до Владимир-Волынского. Здесь их остановили польские войска. В марте 1941 г. в район привезли много мужчин, их разместили по квартирам, обмундировали. Они строили аэродром. В доме Дьячук поселился офицер. Кроме него, 15 человек жили в сарае. Семья их кормила.

В ночь на 22 июня стоял непрерывный гул самолетов.

- Я спросила у офицера: «Что это?» - рассказывает Надежда Матвеевна. - «Маневры», - ответил он. Но когда один из самолетов загорелся, жители побежали в сторону его падения. «Война», - сказал вернувшийся через некоторое время постоялец.

Надежде было в то время 14 лет, кроме нее в семье было два брата, сестра, родители и сестра отца. Когда пришли фашисты, братьев они забрали в подводу с лошадьми, отца - на строительство укреплений на реке Буг.

Пока шла война, немцев в районе не было, но все время приходили какие-то банды: власовцы, меленковцы. Они нападали на поезда, так как станция была рядом, грабили жителей. Все, что было ценного, население закапывало в землю. Особенно боялись мадьяр, они появлялись часто, убивали, стреляли горящими пулями,

сжигали дома.

В феврале 1944 года пришли отступившие немцы. Никогда не забыть Надежде Матвеевне, как они с сестрой прятались по самый нос в воде в зарослях кустарника. Сердце готово было выскочить из груди. Немцы угоняли коров, ловили людей и заставляли их копать окопы, забирали в плен. Но советские войска наступали быстро, были уже на том берегу реки. Семья Дьячук осталась дома, прятались в сарае, в щели наблюдали

за происходящим. Фашисты бомбили, все вокруг горело, поблизости не осталось ни одного целого села.

В одну из ночей бомбежка не прекращалась, к утру стихло. «В щели сарая мы увидели наших солдат. Один из них забежал в сарай и спросил, где немцы. Мы ответили, что на горе. Солдаты ушли».

Немцы отступили, но все вокруг было заминировано. На освобожденной территории стали создаваться колхозы, до войны их почти не было. В доме Дьячук поселился директор МТС. Узнав, что у девушки образование 6 классов, он взял ее на работу в бухгалтерию. Но поработать пришлось очень недолго.

Однажды мартовской ночью 1945 года пришли сотрудники НКВД и без допроса, без объяснения причин повезли семью на станцию, погрузили в товарные вагоны и вместе с другими отправили через всю Украину и Россию на Урал. В вагонах не было ничего, спали на своих вещах, которые успели в спешке прихватить.

Так женщины из семьи Дьячук оказались в поселке Кусья Чусовского района. Работали на лесоповале, лесосплаве. В тот же год их перебросили в сельскую местность - в Ординский район. Надежду определили на работу в колхоз. Позднее выучилась на парикмахера, на закройщика.

P.S. Сестра Надежды Матвеевны - Колесникова Анна Матвеевна - всю жизнь, с 1945 года, прожила в Павлово и Красном Ясыле, скончалась в возрасте 77 лет.

Отец, Дьячук Матвей Терентьевич, после войны вернулся домой, дождался сына Петра, женил его. В 1949 году приехал к жене на Урал, умер в возрасте 96 лет.

Мама, Дьячук Екатерина Ивановна, прожила 69 лет.

Второго брата Якова Матвеевича в 1947 году в Белой Церкви забрали из армии и посадили. Освободили после смерти И.Сталина. В дальнейшем жил на Украине.

Заключённый №880

Михаил Андреевич Лапоногов, уроженец Орды

Передо мной лежит старая, уже немного пожелтевшая фотография. Профиль, анфас мужчины лет шестидесяти с короткой стрижкой, пышными усами, умным пристальным взглядом. Одет мужчина в

косоворотку, а на груди... табличка с надписью «Кунгур. Тюрма. 3/К № 880».

Этот снимок сделан в 1940 году. На нём изображен М. А. Лапоногов, уроженец с. Орды 1882 года, который был арестован по статье 58 пункт 10.11 и обвинялся в том, что «на протяжении 1939 — 40 годов вёл контрреволюционную агитацию, направленную на дискриминацию Советской власти и колхозного строительства».

Что мог сделать против Советской власти простой крестьянин, имевший 4 класса образования?

Во время русско-японской войны служил на благо России в Китае, в первую мировую воевал с германцем. При Советской власти бригадир в колхозе «Светлый ключ». Крестьяне прозвали его китайцем, т. к. во время службы на востоке он немного выучил этот трудный язык. Но арестовали Михаила Андреевича не за китайский, а за русский «длинный» язык. Не мог он спокойно смотреть на бесхозяйственность, открыто возмущался тем, что у колхозников отбирали сверх поставок последний хлеб, так называемые «излишки».

Дело заключённого №880 рассматривала «тройка». По приговору суда М.А. Лапоногов был осуждён на пять лет тюремного заключения без права переписки. Куда его отправили, никто не знал...

Время быстротечно. Младший сын Михаила Андреевича, Александр отправил письмо на имя генерального прокурора СССР Руденко с просьбой раскрыть правду об отце. В это же время ему стало известно, что вместе с Михаилом Андреевичем сидел один священник из Кунгурского района, который и сообщил, что срок они отбывали на севере Чердынского района в лагерном пункте Омут, близ села Бондюг, что в верховьях Камы. В этом Омуте и сгинул Михаил Андреевич...

В шестидесятые годы, когда пошла волна реабилитации репрессированных, на имя А.М. Лапоногова пришло официальное подтверждение из московского информационного центра ОВД о месте заключения отца.

Позже, уже получив документы о реабилитации, Александр Михайлович съездил в Омут, привёз оттуда «лагерной» земли в баночке и «похоронил» отца на ординском кладбище...

На могиле М.А. Лапоногова установлен памятник – две сторожевые вышки, которые опоясывает змея с выбитыми на ней словами «ГУЛАГ», «сталинизм», над которыми возвышается сжатый кулак. Этот памятник, обладая даром художника, Александр Михайлович создал из камня сам,

как дань памяти отцу и сотням ординцев, пострадавшим от произвола сталинских репрессий.

Еще раньше, в тридцать седьмом, был репрессирован двоюродный брат Михаила Андреевича - Иван Потанович Лапоногов. Ушёл с белыми из Орды, спасаясь от расправы красных, и погиб родной брат Михаила Андреевича — Иван. Пострадали сыновья Ивана Андреевича - Михаил и Георгий. Михаила, секретаря райкома комсомола, выслали из Орды после ареста его отца. Георгий, профессиональный музыкант, баянист получил десять лет лагерей, сидел на Колыме. В суровом краю отморозил фаланги ног. Молил Бога, чтобы не отморозить пальцы рук, иначе — погибель.

Георгия спасла музыка, спасал баян. Однажды вызвали к начальству. Думал, к беде. Ошибся. «Будешь, - сказали, — аккомпанировать Руслановой...». Он боготворил Лидию Андреевну и не мог поверить, что станет выступать вместе с нею в концертах. Её, тоже необоснованно арестованную, возили по лагерям, и она пела для заключённых, чаще - охранникам. Встреча с Руслановой на Колыме и совместное с нею выступление оставили в жизни Георгия Ивановича Лапоногова самые светлые воспоминания. Он пережил её на пять лет и умер в 1978 году.

Вспоминает Анастасия Петровна Луканина

Родители, брат и сестра Луканиной (Лапчевой) Анастасии Петровны проживали в село Кабурчак Карасубазарского района Крымской области до 1944 года. В настоящее время село Мичуринское Белогорского района Крымской области.

"19 или 21 июня 1944 года всех лиц нерусской национальности, проживающих в селе, подвергли принудительному выселению за 24 часа. Было разрешено взять с собой по 20 кг, на одного человека (продукты, личные вещи). Всех загрузили в бортовые машины и отвезли на железнодорожную станцию Симферополь. Там погрузили в товарные вагоны. Место назначения было неизвестно. Примерно через месяц выгрузили на станции Губаха Пермской области. Около месяца прожили там в бараках. Потом пришло распоряжение специалистов сельского хозяйства распределить по колхозам. Так примерно в середине августа 1944 года, мы и ещё несколько семей оказались в село Ашاپ Ординского района Пермской области. После этого мы ежемесячно отмечались в специальной комендатуре

вплоть до 1953 года".

На момент выселения состав семьи Лапчевых: отец - Пётр Степанович, болгарин, мать - Парасковья Дмитриевна, сын - Дмитрий, дочери Анастасия и Евгения.

Из воспоминаний Лапчева Дмитрия Петровича

"Из родного села увозили на грузовых машинах. Взяли продукты питания и узлы с одеждой. В Симферополе погрузили в вагоны для перевозки скота, окна были узкие под потолком, забранные решёткой. Спали на нарах, почти всё было заставлено этими нарами, народу было много. Ехали долго, вагоны на станциях загоняли в тупики. Взрослые мужчины уходили за кипятком, продать что-нибудь из вещей, купить еды. Женщины не покидали вагонов, стерегли детей постоянно. Был голод и детей воровали, съедали. По прошествии двух недель стали снимать умерших от голода людей. Везли около месяца. Выжили, потому что из дома взяли мешок кукурузной муки. Когда привезли в Губаху из одежды осталось только то, что было одето. Всё продал отец и даже мамины серьги. По дороге мама заразилась туберкулёзом и в возрасте 37 лет умерла в с.Ашап. Мне было 17 лет, сестре Анастасии-12 лет, сестре Евгении-7 лет. Отец женился сразу же на женщине из Красного Ясыла и уехали жить в Кунгур, взяв с собой младшую сестру. Я и сестра остались жить в Сосновке.

Долго снились сны про оставленную родину. Тосковал. Снились горы, море, виноградники. Женился на сосновской девушке Маше, родились пять сыновей и дочь. Когда дети были маленькими учил их считать и петь песенки на болгарском. В Крыму больше не бывал."

«Сначала мы жили а Ашапе, - вспоминает Анастасия Петровна. -Отец работал на МТМ, пятнадцатилетний брат-там же. Мне десять, сестре - 5 лет. Мама умерла. Спустя какое-то время семью перебросили в Малый Ашап, потом в Сосновку». В 1950 году шестнадцатилетняя Надя (это имя приклеилось к ней со школьных лет) отправилась в Орду искать работу, чтобы заработать денежку. Шла босиком, туфли несла в руках. Ещё в котомочке было запасное платье и кусок хлеба. В Орде Надя устроилась работать на пекарню.

Семья Михо

*до 1944 года проживала в Крымской области,
Сетлерском районе, д. Желябовка*

Ныне село в Нижнегорском районе Республики Крым, центр Желябовского сельского поселения. Отец: Михо Николай Михайлович,

болгарин, мать: Михо Зиновья Георгиевна, болгарка, дочери Калиистра, Елена, Екатерина.

Глава семейства воевал на фронте, а всех остальных членов семьи по национальному признаку в 1944 году выслали из Крыма в г.Губаху Молотовской (Пермской) области. В Губахе младшая дочь Екатерина умирает. Ей было 1 год и 11 месяцев. В августе 1944 года Зиновья Георгиевна с оставшимися двумя детьми Калиистрой и Еленой приехали в село Орда. Михо Николай Михайлович, вернувшись с фронта осенью 1945 года, приезжает в Орду к семье. С 1944 по 1956 годы состояли на учёте спецпоселений с ежемесячной отметкой в спецкомендатуре.

23 января 1963 года умирает дочь Калиистра Николаевна, 11 февраля того же года глава семьи Николай Михайлович, 9 декабря 1970 года не стало матери Зиновьи Георгиевны.

Михо (Первова) Елена Николаевна работала в колхозе. В 1955 году получила паспорт. С 1959 года работала штукатуром в коммунальном хозяйстве. Вырастила шестеро детей.

Когда их выслали из Крыма, ей было 13 лет. Она запомнила дом с надворными постройками (конюшня, сарай, колодец). Домашних животных (корова, поросёнок, куры), мебель, находящуюся в доме (шифоньер двухстворчатый, диван, круглый стол, комод, кровать, стулья, швейная машинка, сепаратор). Возле дома – сад. С собой могли взять только то, что смогли унести в руках.

Вспоминает Лидия Андреевна Рудакова (Непп)

Мой отец, Непп Андрей Юлиусович, родился 16 апреля 1923 года в Запорожской области, Куйбышевский р-он, д. Роза. Он работал в колхозе. Когда началась война, ему было 18 лет. Всю его семью с Украины выслали: старшие братья и его отец Юлиус попали в трудармию в разные места, а мать Непп Кристина и младшие дети оказались в Германии. Отец был на спецпоселении в Чердынском, в Юрлинском районах. Он много перенёс лишений: голод, холод, унижение. Немцев - спецпоселенцев не считали за людей. Он работал на лесоповале, затем электромехаником. В 1947 году он познакомился с мамой, у неё была дочь Зоя, её отец погиб в 1942г. В апреле 1948года родилась я.

После окончания войны его мать, мою бабушку, с детьми отправляют из Германии на родину. Они думали, что их возвращают на Украину. Но по дороге их высаживают из поезда на Урале, в Боровске и поселяют в бараки. Прошло больше десяти лет, когда его родственники отыскали

моего отца. К нам приехал его младший брат Эмиль (Сейчас он живёт в Германии). И в 1954 году мы уехали в Боровск. Отца уважали все жители посёлка. Я помню, как нас провожал весь посёлок... Первое время, мы жили у его родителей, в доме барачного типа. Там была целая улица из таких домов, где жили немцы - переселенцы. Вскоре нам дали квартиру в новом доме, т.к. отец работал в стройучастке электриком. Мама работала на Бумкомбинате, жили бедно, но нам было хорошо в благоустроенной квартире. В то время разъезжали вербовщики и вербовали людей в колхоз, обещали золотые горы и молочные реки. Его родня завербовалась в колхоз «Светлый ключ» в Ординском районе. Отец не захотел отставать от них и прожив год в прекрасных условиях, мы опять поехали искать лучшей жизни. Ехали в товарном вагоне, спали на нарах, отапливались буржуйкой, был март месяц. И вот мы приехали 18 семей немцев в Орду. Всех расселили по разным местам. Мы жили на улице Советская. В настоящее время этого дома давно уже нет.

Было очень тяжело родителям: не хватало еды, одежды. В сентябре я пошла в школу, у меня не было ни формы, ни портфеля, а было цветное ситцевое платье и учебники в платке. Решили строить саманные дома, как на Украине. Сами делали саманный кирпич: мешали в яме солому с глиной и водой, месили ногами, потом дали лошадь. Глину выкладывали в формы и сушили на солнце, так появилась немецкая улица из 4-х домов. Прожив несколько лет многие семьи уехали, кто обратно в Боровск, кто в Казахстан. В итоге наша семья осталась здесь одна, т.к. отец уже работал бригадиром. Бригадиром он проработал 30 лет, был награждён разными наградами. В октябре 1991г. вышел закон «О реабилитации жертв политических репрессий» и отец был реабилитирован. Мы его дети, включая 1954 года рождения, также получили статус реабилитированных. Мы также ощутили на себе презрение, унижение, стеснялись своей фамилии, т. к. она выдавала

нашу национальность. Но, несмотря на все невзгоды, мы выжили, обзавелись семьями. Мы любим своих родителей, они прожили достойную жизнь. Сейчас у них 20 внуков, 25 правнуков. В настоящее время у отца в живых остались 2 брата и сестра, которые живут в Германии.

Пшеничников Николай Павлович, священник

Родился в дер. Рубежево Ординского района Пермской губ. в 1899 г. 1925-1926 гг. – на общественной работе: председатель Ординского сельсовета. 1926 – судим, отбыл один год лишения свободы; 1927 – псаломщик в с. Петропавловское Щ.- Озёрского р-на; 1928 – рукоположен епископом Аркадием во диакона к церквис. Петропавловское; 1929 – диакон церкви в г. Красноуфимск. 29.07.1930 – рукоположен епископом Иоанникием во священника, служил в селе Красноуфимского р-на. 1933 – священник в с. Подрелье Халтуринского р-на Кировской обл. 25.02.1935 –возвратился в Орду, «в связи с начавшимися арестами в Кировской обл.» 1935 – арест, отбыл 2 года тюрьмы. 15.06.1938 – переезд в Пермь, священник Успенской церкви, благочинный. 17.07.1939 – арестован. 14.05.1940 – постановление ОС НКВД СССР: пять лет ИТЛ. 12.06.1940 – этапирован на ст. Владивосток. 12.11.1941 – умер в местах заключения (из справки от 18.10.1956).

Яна Денисова о прадедах Ефиме Васильевиче Рудаеве и Николае Федоровиче Севастьянове

... Из районов сплошной коллективизации выселялись «кулацкие» семьи. Такая участь постигла и моего прадеда Ефима Васильевича Рудаева. До 30-х годов семья Ефима и Евдокии Рудаевых жила на хуторе Куцаевка Ольховчанского сельсовета Ростовской области Северо-Кавказского края. Совместно с ними проживали сыновья Григорий и Никита. У Григория была своя семья: жена Марина Александровна и дети Федосья, Пелагея и Андрей. Хозяйство вели совместно, обходились своими силами, наемного труда не использовали. У них был дом под железной крышей, хозяйственные постройки, ветряная мельница, домашний скот (10 быков, 5 коров, 10 овец, свиней до 10 голов, лошади). Из-за того, что Ефим Васильевич не пожелал добровольно войти в колхоз, его семья была раскулачена с полной конфискацией имущества и выселена в северный край на 5 лет.

Ефим Васильевич оказался сосланным в Архангельскую область, а остальные Рудаевы: жена, сын Григорий с женой и детьми, Никита со своей семьёй — на север Пермской области. Не выдержав тяжёлого пути, по дороге Евдокия скончалась. Предположительно жили Рудаевы в Чердынском районе. Здесь, в землянке, родился и умер младший сын

Григория и Марины. Григорий и Никита трудились на лесоповале, жёны не работали. Братья скончались в одну ночь от голода, детей раскидали по детским приютам. Будучи там, моя бабушка Пелагея Григорьевна Рудаева узнала о смерти своей матери Марины. Старшая сестра Федосья была определена в ремесленное училище, а младший Андрюша был усыновлен и стал Андреем Александровичем Усолкиным.

Бабушку из детского приюта п. Цепел Красновишерского района отправили в Ординский район. Предположительно с 1934 г. проживает она здесь. Долгие годы жила она мечтой — найти своих родственников. В поисках сестры и брата ей помогала бывший начальник паспортного стола Ординского ОВД Анна

Ивановна Степанова. Через 35 лет бабушка отыскала свою сестру Федосью Григорьевну Руденко, которая живет в г. Гусь-Хрустальный Владимирской области и брата А. А. Усолкина в г. Перми.

А в 1999 году бабушка побывала на своей родине — хуторе Куцаевка, где встретила с крёстной матерью Татьяной Демченко и своим дядей Дорофеем Михайловичем Рудаевым. Они подтвердили факт раскулачивания семьи, в 1930 г.

(Григорий Ефимович Рудаев реабилитирован 5 июня 1998 г.)

К первой категории отнесли моего прадеда Николая Федоровича Севастьянова, уроженца д. Белое Озеро Ординского района. Родился он 2 декабря 1896 г. в семье крестьянина-середняка. В 1918 году, в возрасте 22 лет, вступил в шляпниковскую дружину Красной гвардии и с оружием в руках участвовал в разгроме кулацких восстаний в Медянской, Шляпниковской и других волостях. В этот период он вступил и в Коммунистическую партию. Всю свою сознательную жизнь прадед посвятил Красной Армии. В 20-х годах он — командир дивизии в войсках погранохраны Северо-Кавказского военного округа. Затем — Средне-Азиатский военный округ, так же войска погранохраны. Вместе с ним переезжала и его жена Фелицата Ивановна. Когда они жили в Ростове-на-Дону (1930—33 гг.), к ним приехала из Белого Озера дочь Николая Федоровича от первого брака, Клавдия Николаевна. В 1935 году семья Севастьяновых переезжает в город Ленина. Вот что вспоминает бабушка об этом времени.

«Я, деревенская девушка, трудно привыкала к новой обстановке, новой школе, семье, очень скучала ко деревне. Отец часто и подолгу со мной разговаривал, выбирал книги для чтения, чтобы заинтересовать меня, зачитывал некоторые эпизоды из них, интересовался школьными друзьями. Мы часто переезжали с места на место, из города в город. Из Ростова-на-Дону отец был переведён на службу в Ташкент. Хотя он скоро стал понимать узбекскую речь, но все равно работал с переводчиком, говорил, что ему нужна точность.

После Ташкента мы кроткое время жили в Москве, пока он получил назначение в Ленинград. Здесь он был начальником политотдела погранохраны войск Ленинградского военного округа, носил 2 ромбика и был дивизионным комиссаром.

Однажды в выходной день отец дал мне список литературы и предложил пройтись по букинистическим магазинам на Володарском проспекте и закупить, что найду по списку. Я должна была вернуться к 11 часам, а к 11.30 мы должны были быть готовыми ехать в театр на дневной спектакль. Сам он ушел на работу (до НКВД было полквартиры от дома) и хотел вернуться без опозданий. Когда я пришла домой с книгами, меня не сразу впустили, сначала выяснили, кто я такая.

В квартире был полный кавардак. Книги из шкафов разбросаны, бумаги из письменного стола все собраны в кучу и перевязаны. Их забрали с собой. На вопрос, где Николай Федорович, ответили, что им неизвестно. После ухода этих людей мама позвонила начальнику НКВД Ленинграда Гоглидзе. Тот ответил, что Севастьянов срочно вылетел в командировку, а о происшедшем в квартире он ничего сказать не может.

Позднее оказалось, что он арестован, как враг народа. Это случилось летом 1938 года. Вначале он содержался в небезызвестной Бутырской тюрьме в Москве, а потом след его потерялся. На запросы о его судьбе ответом было молчание.

Фелицата Ивановна в Ленинграде до ареста мужа работала секретарём партийной организации РОНО, после ареста — учительницей».

Семья Севастьяновых вынуждена была вернуться на Урал. С марта 1941 года Фелицата Ивановна Севастьянова работала директором Беляевской неполной средней школы.

Приговор военной коллегии 8 июля 1941 года в отношении Севастьянова Николая Фёдоровича по статье 58-1 «б» - приведён в исполнение 30.07.1941 г.

19 мая 1956 г. дело по обвинению Севастьянова Николая Фёдоровича было пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР по

вновь открывшимся обстоятельствам. Приговор отменён, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Он посмертно реабилитирован.

Бочкарёва (Рудаева) А.Г. после войны работала учётчицей в Рубежовской бригаде, а потом продавцом в потребкооперации до выхода на пенсию.

Севастьянова Клавдия Николаевна после окончания Тобольского института работала учителем в Шляпниковской, а затем и в Ординской средней школах.

Плотникова (Вепрева) Людмила Андреевна о деревне Серкино

Коллективизация... этот период стал для многих печальным тем, что повсеместно шло раскулачивание. Под этот беспощадный "меч" попадали как раз самые трудолюбивые, хозяйственные и «головастые» люди, те, у кого было стремление сделать свой быт лучше. В эту «молотилку» в деревне Серкино попали семьи Щербининых Ивана Кирилловича и Ольги Ивановны, Лекашиных Никандра Константиновича и Надежды Максимовны, Лекашиных Алексея Никандровича и Анны Владимировны, Лекашиных Дмитрия Николаевича и Онисьи, Кошчеевых Ивана Никоновича и Марии Фёдоровны, Кошчеева Дмитрия, Ефимушкиных, Рудакова Николая Ивановича, Рудаковых Андрея Матвеевича, Михаила Адреевича и Александры Тимофеевны, Честиковых Григория Владимировича и Матрёны (Петровичевы), Щербининых Увара Никифоровича и Евдокии, Леонида Уваровича. Их отправили в Чердынь и Нижний Тагил. Средняков не выселяли, но брали у них тёс, брёвна, доски, кирпич, животных, с/х орудия. Дом Лекашиных Никандра и Надежды сломали в 30-е годы, кирпич ушёл на строительство школы в Орде. Кошчеева Ивана Никоновича из-за отказа вступать в колхоз арестовали и отправили в Челябинскую тюрьму, где он и скончался. Иван Никонович и Мария Фёдоровна жили в доме на 8 окон в нижней улице. Имели две коровы, тёлку, лошадь, жеребёнка, десять овец, 20 куриц, свиней, молотилку, жатку, сеялку. Пять амбаров. Ульи стояли в огороде. Усадьба 40 соток. При раскулачивании всё отобрали – только немного одежды оставили, да самое необходимое. Семья ушла жить в верхнюю улицу, в дом на три окна. Работать никуда не принимали. Тайно доставали справки и по возможности уезжали. Алексей и Анатолий уехали в Тагил к родне. А остальные скитались по разным домам деревни. Питались очень плохо. Картошку тёрли, травяные лепёшки пекли, чай травяной и воду пили.

Выровнялись жить только к сороковым годам. Сначала в их доме были ясли, а потом его разломали на дрова. У Ефимушкиных была маслобойня, делали конопляное масло. Каждый простой двор до 30-х годов имел: телегу, сани-долгуши, сани-кошовку, дровни, сбрую, бороны, соху, лошадь. Сеяли из лукошка. Была жатка - лобогрейка. Был глава деревни – староста. Устраивались сходы. С образованием колхозов в деревне сначала продолжались сходы. Старосту выбирали. Одно время им был Щербинин Александр Филиппович, а потом избрали Тишку Тюнькина. Он уехал в Кунгур на совещание и привезли мёртвым (разрыв сердца). Причина есть, так как заставляли выдавать богатых. К 30-м годам маслобойни ликвидировали. В верхней улице держали 60 коров, 95 лошадей, 320 овец. Раскулачены семьи Рудаковых и Увара Щербинина. В нижней улице держали 90 коров, 142 лошади, 320 овец. Пять семей раскулачено.

Дело Ординского райотделения НКВД № 155 II по обвинению Феденёва Степана Ефимовича по ст. 58-10 УК РСФСР.

Начато 30 октября 1937 г. Окончено 4 ноября 1937 г.

Феденёв Степан Ефимович, родился 1 августа 1885 года. Уроженец деревни Толчея, Ординского района, Пермской области, русский, беспартийный, проживал по месту рождения и работал в хозяйстве, затем в колхозе «Красная Звезда» заведующим свинофермой в деревне Арсёновка. Арестован Ординским райотделом УНКВД 30 октября

1937 года за якобы систематическую контрреволюционную пропаганду, направленную на дискредитацию Советской власти. На основании этого Тройкой при УНКВД по Свердловской области 5 ноября 1937 года по ст.58-10 УК РСФСР был приговорен к расстрелу. Это решение было исполнено 10 декабря 1937 года.

Для ареста и приговора к высшей мере наказания, оказалось, достаточно допросить двух свидетелей и характеристики из сельского совета.

13 февраля 1956 года жена Степана Ефимовича, Мария Герасимовна, обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой узнать о судьбе мужа: «В 1937 году в Ординском

С.С.С.Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление Государственной Безопасности по Свердл. обл.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1937 г. 30 октября мес. 30 дня, Я. Толчея (долж., место, орган, филиал)

исполн. раи. И.И.И.И.И. (подпись и печать в качестве обвиняемого)

1. Фамилия Феденёв

2. Имя и отчество Степан Ефимович

3. Дата рождения 1885 г.

4. Место рождения д. Толчея, Ординского района, Пермской области

5. Место жительства д. Толчея

6. Нац. и гражд. (подданство) Русский е.с.р.

7. Паспорт № 123456789 (номер, серия, место и дата выдачи)

8. Род занятий Колхозник (место службы и должности)

9. Социальное происхождение Крестьянин (род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции Крестьянин

б) после революции Крестьянин

11. Состав семьи 4 человека: жена Мария Герасимовна, сын Александр Ефимович, дочь Анна Ефимовна, внук Иван Ефимович (укажите фамилии, имена, отчества, даты рождения и места жительства)

И.И.И.И.

районе, Молотовской области, по неизвестным для меня причинам был арестован мой муж Феденёв Степан Ефимович, 1885г. рождения, русский, уроженец Молотовской области Ординского района Зареченского с/совета дер. Толчая, после ареста прошло 20 лет, однако я до сего времени о судьбе своего мужа и отца 10 детей никаких сведений не имею, по моему он за этот период вполне должен искупить свою вину перед Родиной, по этому я как жена и мать, к тому же имею две правительственные награды, обращаюсь к Вам, как к нашему избраннику с убедительной просьбой сообщить мне о судьбе мужа – жив он или умер». Родственникам Феденёва Степана Ефимовича объявлено устно, что он, «отбывая наказание в местах заключения, умер 8 июня 1942 года от инфаркт-миокарда».

В сентябре 1962 года в клубе деревни Арсёновка состоялось выездное заседание суда, по делу Феденёва Степана Ефимовича. Обоих свидетелей, давших ложные показания против Степана Ефимовича уже не было в живых. Мучала ли их совесть, покаялись ли они перед смертью о напрасно загубленной жизни своего односельчанина, мужа, отца десяти детей – не известно.

В помещении клуба деревни Арсёновка 08.09.1962 года Ординский районный прокурор мл. советник юстиции Азанов допросил свидетеля Поспелова Ивана Павловича, 1888 г.р., пенсионера колхоза «Правда». Когда Феденёв работал в колхозе «Красная Звезда» зав. свиноводческой фермой, Поспелов в это же время работал на ферме возчиком и охранником. Хорошо зная Степана Ефимовича, он рассказал: «...к работе в колхозе, на ферме относился добросовестно и никогда я от него разговоров, направленных против колхозов, против мероприятий партии и Советского правительства не слышал. Хозяйство Феденёва Степана Ефимовича, проживающего в д. Толчая, до вступления в колхоз, было бедняцкое, он имел одну корову, одну лошадь, дом с надворными постройками. Никогда Феденёв в хозяйстве чужой труд не применял, кулаком он никогда не был, его не раскулачивали. Я лично никогда не слышал от Феденёва Степана Ефимовича разговоров о том, чтобы колхозники не работали в колхозе. Мне известно, что вскоре после Октябрьской революции Феденёв С.Е. гражданами избирался в волостную управу и непродолжительное время служил в волостной управе. В этот период... Феденёв никому ничего плохого не делал и никого не избивал, равно также он не избивал и не арестовывал коммунистов и красноармейцев и их семьи. Если бы он совершал такие действия, то мне было бы об этом известно, я тогда проживал в д.

Арсёновка.» Так же были допрошены свидетели: Садков Афанасий Трофимович и Садкова Мария Михайловна.

Постановление президиума Пермского областного суда от 12 октября 1962 г. отменило Постановление тройки УНКВД Свердловской области от 5.XI.1937г. в отношении Феденёва Степана Ефимовича и дело по его обвинению прекратило за недоказанностью состава преступления.

Цер Андрей Севастьянович

Родился 25 мая 1925 года в село Нелюбинка Кустанайской области в Казахстане — упразднённое село в Тарановском районе Костанайской области Казахстана). В январе 1943 года мобилизован Калининским РВК в трудармию и направлен в город Березники, где работал до 1948 года. 15 декабря 1948 года взят на учёт спецпоселения как лицо немецкой национальности в г.Губахе Пермской области. На учёте спецпоселения в Губахинском районе Пермской области находился с 15 декабря 1948 г. по 27 октября 1954 года.

Такая она, жизнь. Е.Чеснокова

... родилась я в 1918 г. Хочу рассказать о своей жизни, и не только о своей. У многих людей моего возраста была подобная судьба. Немало нам пришлось пережить, в нелёгкое время появились мы на свет.

Детства у меня практически не было. Помню, что в колхозы начали загонять людей насильно, когда я училась в четвертом классе. Тогда мне исполнилось 12 лет. Мои родители считались середняками, имели 2 лошади, 2 коровы и другой скот. Семья была большая, так что рабочей силы хватало, всё успевали, хотя никакими машинами в то время не пользовались.

В семье я родилась последней. Сестра старше меня на 16 лет, братья соответственно на 14 и 12. Родители идти в колхоз отказались. На то были причины. Отец болел (во время войны его ранило в живот), зрение подводило да ещё и хромал.

Но разве такие факты кого-то волновали? Что началось, мне даже страшно вспоминать. Раскулачили нас, вымели всё под метелку, чего-то искали, везде штыками тыкали. Отца «упекли» в тюрьму на долгие годы.

Жить стало не на что, и братья ушли из дома, чтобы не голодать. Нашли себе жён, один - старше себя на 20 лет, а второй - на 15.

Сестра тоже уехала, поселилась в Кунгуре, нанялась в услужение к зажиточным людям. Там и осталась. А мама взяла мешок и пошла побираться. Жили мы тогда в Красном Ясыле. Камнерезным делом

занимались здесь и в те годы. Меня отдали в ученики к камнерезам, занималась я раскрашиванием каменных изделий.

Позже мама тоже поступила в камнерезную артель надомницей. Получилось так, что подсобную работу делала мама, а я рисовала. На заработанные деньги и жили. В это же время я училась в Ашапской школе. Пешком ходила домой и не переставала работать. На хлеб и молоко зарабатывала сама.

В 1938 году закончила 9 классов и уехала в Орду. Поступила в типографию учеником наборщика. Через год вышла замуж за Николая Степановича Безукладникова, моего ровесника.

В этом же году мой свёкор, Степан Иванович, был арестован как враг народа. Выходя замуж, я об этом не знала. Мужа из-за отца даже не взяли в армию. В 1940 г. у нас родился сын, назвали Анатолием. Когда началась война, ему было 10 месяцев. Время было суровое, мужчин не хватало, и мужа тоже призвали в армию. У него было среднее образование, поэтому его направили учиться на офицера. Учился он два года.

В это время свекровь получила извещение о том, что её супруг Степан Иванович умер от воспаления лёгких.

В 1943 году мой муж Николай закончил школу офицеров, но узнали, что он сын врага народа, и, не разобравшись, его судили. Решили, что он пролез в школу офицеров специально, чтобы потом вредить. За это лишили звания и приговорили к расстрелу. Но потом заменили расстрел штрафбатом.

Во время отдыха перед боем он написал последнее письмо, уже точно зная, что погибнет. В письме было две просьбы: вырастить сына и ничего не рассказывать маме. А через десять дней после того, как получили письмо, принесли нам похоронку. Вот так погиб мой Николай.

Когда сын Толя перешёл во второй класс, я вышла замуж за Константина Ивановича Чеснокова. Он был младше меня на четыре года. Бывший моряк, отслужил 7 лет. В начале совместной жизни он выучился на ветфельдшера. Прожили мы с ним 27 лет. Он помог мне вырастить сына.

Но кто бы мог подумать, что прошлое опять даст о себе знать? Мой второй муж как-то узнал, что живёт с бывшей женой врага народа, а он честный коммунист. И этот честный коммунист сразу со мной развёлся, а за мой «обман» оставил меня без всего. Я повиновалась.

А сейчас хочу рассказать, из-за чего у меня начались все жизненные невзгоды. Узнала я об этом уже после того, как получила похоронку на моего первого мужа Николая.

Был у нас в селе один товарищ, не буду называть его фамилию, чтобы не беспокоить его родственников. Они ведь ни при чём.

Так вот, того человека парализовало, и однажды его к нам привёз его сын. Я жила ещё со свекровью, Фёклой Михайловной. Так вот, тот человек на четвереньках, с помощью сына заползает к нам в избу, падает к ногам мамы и повторяет беспрестанно: «Прости, Фёкла, прости!» А потом рассказал: «Это мы с конюхом «съели» Степана Ивановича за 2 мешка овса. Хотели их налево продать, а он (работал Безукладников тогда учётчиком) не стал нам зерно это выписывать. Со зла в тот же вечер мы написали на него вымышленную жалобу и отправили в милицию. На третью ночь за ним пришли и арестовали».

Об этом случае я никогда никому не рассказывала, ведь у того человека родственники есть. А кому приятно такого отца, деда иметь.

Вот я часто и думаю: сколько же бед причинили два мешка овса! Просто испортили всю жизнь. Я не жалею, но обидно...

Галина Чеснокова о семье мужа

В начале апреля 1934 года механика Ординского льнозавода Георгия Михайловича Чеснокова обвинили в «принадлежности к контрреволюционной диверсионной вредительской организации». Его приговорили к высшей мере наказания, но заменили заключением в исправительном трудовом лагере на 10 лет.

Его жена, в то время 29-летняя Елена Павловна, осталась в Орде одна с тремя детьми. Старшей дочери Ангелине было тогда семь лет, Николаю - четыре года, младшему Владиславу - два года. Гонимые отовсюду, в том числе и из собственного дома, они кочевали по знакомым с клеймом «семья врага народа».

Георгий много писал из лагеря, присылал открытки.

«27 апреля 1936 года.

Дорогая моя Лена! Ты спрашиваешь, за что я сижу. Меня обвинили в контрреволюционной деятельности по 58-й статье пунктам 9 и 11. Пункт 9 означает диверсию, т.е. вредительство, а 11 - состоял в контрреволюционной организации. Но, дорогая Леночка, об организации

я до сих пор ничего не знаю... На счет вредительства, я болел душой за каждый неисправный винтик и, не считаясь со временем, дни и ночи исправлял дефект. Судила меня заочно тройка ПП ОГПУ. Был приговорён к расстрелу, но заменили десятью годами. Следствие продолжалось около двух месяцев. Ежедневно на допрос к следователю вызывали раза по два. Допросы длились два-три часа. Мучительнее допросов в моей жизни не бывало ничего. Если бы это стало продолжаться дальше, то я бы или умер, или с ума сошел. Обвинение мне было предъявлено такое: по заданию организации якобы я портил машины и поджог производственный корпус и за это с организации получил деньги. Правда ли это, ты суди сама. Но я скажу тебе, конечно же, неправда. Я ни в чём не виноват. К сожалению, дорогая Леночка, в этой небылице я сознался и подписал протокол обвинения лишь только потому, чтобы поскорее избавиться от этих мучительных допросов. Лена, я до сих пор не могу дать себе отчёта, что в то время был ненормальный или сумасшедший. С одной стороны, сознаться меня сагитировали люди, сидевшие со мной в одной камере. Мне говорили, что здесь могут продержат больше года и не сознавшимся могут дать наказание больше. И действительно, там некоторые сидели уже около семи месяцев. Сознавались в обвинении даже умные люди: инженеры, профессора, уверяя в том, что они не виноваты. И я, дурак, последовал их примеру. Сознался в том, в чём не виноват».

Его вины действительно не было. Пожар произошёл во время грозы - от удара молнии загорелся льнозавод. Георгия Чеснокова во время случившегося даже не было в Орде, он находился на лечении в Ключах.

После, уезжая из Орды, брат оговорщика признался Елене Павловне, что А. позавидовал её мужу и написал донос. Но помочь репрессированному было уже нельзя. Георгий Михайлович Чесноков «Пермским областным судом 20 октября 1959 года реабилитирован полностью». Посмертно.

Дети так и не увидели больше отца.

Семья Шеретовых

По национальности – болгары, проживала в деревне Мелех, Белогорского района Крымской области до 16 мая 1944 года. Глава семьи Шеретов Александр Константинович, 1900г.р., жена Окулина, дети: Нина, Мария, 1931г.р., Константин, 1932 -20.03.1985гг.

Окулина была расстреляна или повешена немцами за пособничество партизанам. Старшая дочь Нина вынесла ночью, постучавшимся в дом людям, хлеб. Кто-то донёс и утром мать Нины – Окулину, забрали немцы. Больше её никто не видел. Главу семьи Александра Константиновича с детьми выслали 16 мая 1944 года в Губаху.

Шеретов Александр Константинович, проживая в Орде, женился и как только был снят с учёта – вернулся в Крым. Умер в 1960 году.

Гуляева (Шеретова) Татьяна Константиновна, 08.01.1956г.р., дочь Шеретова Константина Александровича родилась и проживает в село

Орда. Находилась вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями на учёте спецпоселения по национальному признаку (болгарин), признана подвергшейся политической репрессии и реабилитирована 29 октября 2012 г.

Иван Петрович Южанинов о своей семье

Жили Южаниновы в Опачёвке. Обычная крестьянская семья обрабатывала землю, держала скот. Отец, Петр Иванович, и дед, Иван Васильевич, вместе с четырьмя односельчанами сделали маслобойку, за что и поплатились в начале 30-х годов.

Осенней ночью, 26 октября, в дом постучали. Хозяина тут же арестовали и увезли в неизвестном направлении вместе с напарниками по маслобойке. Жене с пятью детьми дали час на сборы и выселили из дома. Ивану было в то время 6 лет, два брата - младше его, две сестры - старше. Детская память цепкая, до сих пор при воспоминаниях стоит перед глазами тот мужчина с кобурой на поясе.

Бедная женщина с ребятишками пришла к своим родителям, которые тоже жили в Опачевке.

Но за ними все-таки пришли. Весной. Увезли на лошадях до Кунгура, посадили в «телячьи» вагоны: двери закрыты, окна закрыты, куда везут - неизвестно. Лежали на нарах, мерзли; мать укрывала детей вещами, которые успела прихватить из дома. Вместе с Южаниновыми в вагоне ехали семьи из Губан, Климихи, Толчеи.

Когда вышли из вагонов, узнали, что находятся в Свердловске. Долго сидели на вокзале, их никуда не отпускали, не кормили. Ивану запомнилось, что он все время просил у матери есть.

Через какое-то время снова посадили в вагоны, повезли в сторону Нижнего Тагила. Поезд остановился в пустынном месте, дальше 5-6 км шли пешком. Как оказалось, в это время строился вагоностроительный завод «Северный», сюда и везли «рабочую силу».

Первый месяц жили под открытым небом, пока не построили бараки. Все дети были простужены, многие заболели воспалением легких. Ивана с братьями положили в больницу.

Через 5 лет семье разрешили вернуться в родное село. Но приехали они не в полном составе, дед не выдержал ссылки, умер.

Только через шесть десятков лет, в 1997г., семья Южаниновых была реабилитирована.

В справке о реабилитации читаю, что «основанием применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке было Постановление ЦИК и СНК СССР от 1.02.1930г.». В документе написано также, что такой-то находился на спецпоселении, в 1933 году был в бегах, вернули на спецпоселение.

«У нас не хватало одежды, поэтому отец тайно уехал домой, ходил по родственникам и знакомым, чтобы собрать необходимое, - говорит Иван Петрович.

Вскоре после возвращения семью постигло большое горе: один за другим умерли от болезни братья, а за ними и мать. На одной неделе похоронили троих.

Родной дом был теперь колхозным, его приспособили под конюховку. Отец устроился на работу в колхоз в Грызанах, через некоторое время его все же приняли в Опачевке конюхом и разрешили жить в конюховке. Так они снова оказались в своем доме.

Иван был в то время подростком, выполнял различные работы в коллективном хозяйстве: пахал на лошадях, боронил, словом, куда пошлют. Сестра Нина работала в детском садике.

Гималиева (Ягьяева) Лилия Эмирусейновна о своей семье

5 марта 1931 года глава семьи Велиля Асан (Асанов Велиля) был лишён избирательных прав и раскулачен за применение наёмного труда. Вместе с семьёй выслан за пределы Крыма. До выселения семья проживала в дер. Унгут-Шубино-Байгоджинского сельского Совета Феодосийского района. На 1930 год имела посевов 24 десятины, 4 лошади, 1 корову, 2 головы молодняка, 7 овец.

Адрес проживания семьи на выселении «Сев. Край, ст. Пермилово с.ж.д. Новая биржа, подпункт Корбаты». Позднее Гулинар вместе с бабушкой Фатимой и отцом вернулись в Крым.

18 мая 1944 года они второй раз высланы из Крыма по национальному признаку.

Я, Гималиева Лилия Эмирусейновна, родилась в посёлке Керос Гаинского района Пермской области, в семье репрессированных крымских татар, которые были высланы из Крыма 18 мая 1944 года. Мои родители: папа - Ягьяев Эмерусейн Асанович с 1944г. по 30.05.1956г. находился на учёте спецпоселения в Гайнском районе Пермской области по национальному признаку, как лицо татарской национальности. Реабилитирован отделом реабилитации ИЦ УВД Пермской области), мама – Ягьяева (Велиляева) Гулинар Меметэминовна. У папы была большая семья. У моих бабушки и дедушки по отцу было 12

детей, двое из них были на войне. Маму выслали вместе с бабушкой, отец её погиб на войне к этому времени. Мамина бабушка умерла сразу же в тот день, когда их привезли в наш посёлок. Для них это уже была вторая высылка, так как в 30-е годы их уже во время раскулачивания выслали в Архангельскую область. Там погибли все, кроме маминой бабушки, её сына и моей мамы. Им было разрешено вернуться в Крым. Мама осталась сиротой, ей было всего 15 лет. Работали они все на лесоучастках, это была очень тяжёлая работа, многие с трудом приспособивались жить и работать в условиях Севера. Здесь же работали трудармейцы, советские солдаты, попавшие в плен. Это были люди разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, немцы. Большинство из них жили семьями, так как жены с детьми следовали за своими мужьями. Но некоторые мужчины женились вторично, так как их жёны и дети от первого брака отказывались жить по месту высылки. Всех называли спецпереселенцами. Все должны были отмечаться в спецкомендатуре утром и вечером, не имели права никуда выезжать с территории лагеря. Среди крымских татар были офицерами на войне. Они могли забирать свои семьи и жить на территории Узбекистана. Часть населения Крыма была выслана в Среднюю Азию,

там же проживали часть родственников моего отца. После войны они разыскивали друг друга.

Моя мама рассказывала о том, как они жили на оккупированной немцами территории. Она жила в Феодосии. Немцы расстреливали цыган, евреев, партизан. Вешали. Во время оккупации Крыма немцами на квартире у них жили румыны. Также они жили и у моей бабушки по отцу. Когда освобождали города Крыма, бомбили сверху, с моря. В это время они прятались в погребе. Было очень страшно. Бабушка на этой войне потеряла сына (пропал без вести), дочь, которая умерла в нашем посёлке вскоре после высылки, умерли две её дочери в Узбекистане, двое внуков – тоже в Узбекистане. Ей помогла выжить вера в бога и то, что рядом были другие дети. Пенсию государство не платило ни ей, ни дедушке. Хотя у них был стаж работы. Об этой войне они отзывались очень тяжело, старались не касаться этой темы. Жили воспоминаниями о Крыме.

У мамы было больное сердце, от этого она умерла, не дожив до своего 70-летия. Папа на пенсии прожил всего три года, умер в неполных 64 года. Вырастили нас четырёх сестёр и двух братьев.

Реабилитированы в нашей семье мама, старший брат Ресуль, я и моя сестра Ида. Те, кто родился на поселении до 1957 года.

В конце 80-х старший брат Ресуль побывали с мамой в Крыму, в Феодосии. Нашли её дом. Там живут другие люди. Депортация очень подорвала здоровье моих близких: мамы, папы, дедушки, бабушки и др.

Есть у нас в посёлке кладбище, называется «Эльдор». Там похоронены те, кто умерли в результате репрессий от холода, голода и болезней. Там очень много безымянных могил. В 90-е годы многие приезжали из ближнего зарубежья, чтобы забрать останки погибших родственников и похоронить на Родине. На этом кладбище похоронены и наши родственники. Мы помним всех и будем стараться, чтобы помнили и другие об этом.

Сведения из архивного отдела

В период коллективизации крестьяне с крепким хозяйством страдали от того, что не могли сдать нужное количество хлебазаготовок, за что по отношению к ним применялись взыскания в виде штрафов, отнимали дом, имущество, лишали избирательных прав. Пострадавшие писали заявления-жалобы с просьбами вернуть отнятое и восстановить их в праве голоса.

Вот, например, заявление гражданина Шистерова Егора Антоновича, жителя деревни Курилово: *«Я, выше указанный гражданин, прошу*

Ординский райисполком рассмотреть мое заявление и дать сельсовету указания разрешить мне зайти в мой дом, который взят был у меня во время хлебозаготовок, так как мне было дано твердое задание по хлебозаготовкам, которое я не мог выполнить, не ввиду того, что я злостно не хотел сдать хлебные излишки, но ввиду того, что нет у меня такого количества хлеба, излишков. Семейное положение 7 человек, а посева имел 4,80 десятины и работников в моем хозяйстве двое, я сам инвалид 5 группы и жена, остальные нетрудоспособные... Скота также не имею, отобрали таким же образом. Занимался отроду крестьянским средним хозяйством, имел одну лошадь, одну корову. В 1930 году имел платежа по сельхозналогу 17 р. 53 коп., за 1929 год имел только 6 р. 80 коп. Имея отроду 42 лет, наемным трудом никогда не занимался, также и торговлей не занимался, а только имел свой крестьянский труд в своем хозяйстве...» (фонд №1, опись №1, дело №6). Люди обращались и в вышестоящие инстанции. На что чаще всего получали такой ответ: «Выписка из протокола №5 заседания правовой юридической комиссии при Ординском РИКе от 29 мая 1931 года.

Слушали:

П. 33 О Шистерове Егоре Антоновиче - Куриловского сельсовета, который жалуется на раскулачивание за не сдачу хлебных излишков.

Из справки сельсовета видно, что:

- Лишен права голоса, как бывший торговец скотом.
- Обложен в индивидуальном порядке.
- К проводимым мероприятия относится отрицательно. В 1929 году, избегая хлебозаготовок, закапывал в землю хлеб.
- За не сдачу хлеба судим народным судом, приговорен к денежному штрафу 524 рубля и 3-х месячным принудработам.

Комиссия считает, что жалоба удовлетворению не подлежит, мероприятия сельсовета в части раскулачивания - правильны.

Выписка верна: Секретарь РИК подпись» (фонд №1, опись №1, дело №6).

Часто в списке одного такого протокола оказывались более десяти человек. Об этих событиях свидетельствуют документы, которые хранятся в архивном отделе администрации Ординского района (фонд №1, опись1).

Массовый террор, обращенный на общественные группы, истреблял отдельных людей с именем, фамилией, индивидуальным жизненным миром.

В.Н.Новиков

***Как создавались контрреволюционные организации в 1937 году
Документальный очерк-расследование (отрывок)***

Каждый школьник России изучает на уроках истории три Московских процесса, все эти «запасные», «параллельные» троцкистско-зиновьевские центры. Однако были тысячи и более мелких судебных процессов, как две капли воды походивших на своих «старших братьев». О них зачастую мало что известно. Я хотел бы познакомить читателей с одним из таких сталинских судов, на котором рассматривались дела 59 моих земляков, жителей Ординского района Пермской (тогда Свердловской) области.

До революции в Ординском районе было 26 церквей, 8 часовен, 7 мечетей, 1 монастырь. У Советской власти сразу не сложились отношения с церковью. Воинствующий атеизм воспринимал любую религиозную идею как враждебную коммунистической идеологии. Однако приходилось считаться с мнением местных крестьян. Это стало заметным еще в период первого закрытия церквей в районе в 1930-1931 годах.

В Орде деревянную церковь закрыли в 1930 году, разобрали на бревна, из которых построили 2 здания (одно из них дожило до наших дней, это нынешний райвоенкомат). В 1931 году закрыли и каменную церковь. Часть икон верующие успели разнести по домам,- но большую часть власти сожгли на Казаковской горе. То же случилось и с церковным архивом, были оставлены лишь метрические книги с 1868 года. В Журавлево при закрытии Зосимо - Савватеевской церкви с больших икон стесали топором изображения и заколотили ими окна в кузнице. Меньшие иконы сожгли в печи. В Опачевке иконы отдали кузнецу, чтобы из них нажечь древесного угля. По утверждению местных жителей, один из колоколов был сброшен в Мягкое озеро, где и поныне находится. В Медянке в церковь закатили бочки с кислотой. Ею смывали изображение с икон, а доски раздавали желающим. У медянского фельдшера был стол, столешница которого (1 кв.м.) была когда-то иконой.

Лишь в одном селе попытка закрыть церковь вызвала настоящее восстание. Произошло это в мае 1930 года в Ашапе. Обстоятельства его описала в очерке Т. Васильева «Советы власть народная» //Верный путь, 1971, № 141, с. 4. Во время сева в Ашап приехали 2 чекиста организовать снятие колоколов, пока все крестьяне в поле. Однако их

разговор с председателем сельсовета подслушала одна из женщин и побежала в поле оповестить крестьян. Побросав все, те кинулись в село. Они до полусмерти избили «колокольщиков», сломали и утопили в глубоком омуте ворота и веревки. Некоторое время жители Ашапа и Сосновки охраняли свою церковь. После этого часть участников бунта была репрессирована, церковь закрыта. Как выяснилось сейчас, это единственное вооруженное выступление крестьян в Пермском крае во время коллективизации. После «1-й пятилетки безбожников» осталось 14 церквей в границах района. Однако власть хорошо запомнила, кто может быть центром сопротивления коммунистическим преобразованиям и после небольшой паузы вновь принялась за борьбу с «опиумом для народа».

Для того, чтобы никто не мог возглавить сопротивления закрытию церквей, весь 1937 год шли аресты, суды и расстрелы священников, дьяконов и активистов церкви. Знакомясь с документами, можно выделить 3 периода тех событий.

Сначала отдельные аресты:

Симанов (Симонов) Филипп Семенович, священник Опачевской церкви, арестован 19 января 1936 АСА (антисоветская агитация), осужден 14 июня 1936, приговорен лет лишения свободы, Бабушкин Михаил Андреевич, священник Михайловской церкви, АСА, осужден 14 июня 1936, приговор - 5 лет лишения свободы

Безукладников Павел Петрович, священник в Курилово, арестован 6 августа 1937, осужден 13 сентября 1937, АСА, приговор-ВМН, расстрелян 20 сентября 1937.

Затем на скамье подсудимых оказались участники «контрреволюционной группы церковников», арестованные в августе 1937 года. Первых заговорщиков арестовали 6 августа. Всего их было 15 человек, они якобы создали контрреволюционно-повстанческую организацию «контрреволюционная группа церковников», занимались антисоветской агитацией, распространяли слухи об интервенции капиталистических стран. В их следственных делах обвинение однотипно АСА, АСД (антисоветская деятельность), терроризм. «Тройка» при УНКВД Свердловской области 25 сентября приговорила 13 человек к расстрелу, 2 октября приговор был приведен в исполнение; Кто эти люди?

ФИО	Год рожд.	Место рождения	День ареста	Род занятий	Приговор
Бормотов Александр Дмитр.	1898	Межовка	26.08	Дьякон	ВМН
Ермаков Михаил Дмитриевич	1906	Грязнуха	15.08	БОЗ	ВМН

Зубенин Григорий Николаевич	1889	Ашап	25.08	Единоличник	ВМН
Калашников Сергей Николаевич	1901	Голухно	6.08	Священник	ВМН
Канисев Аксентий Гаврилович	1870	Михайловка	6.08	БОЗ	ВМН
Константинов Пётр Иванович	1905	Межевка	26.08	Священник	10 лет
Лутков Павел Владимирович	1893	Беляево	26.08	Священник	ВМН
Максимов Василий Михайлович	1902	Верх-Кунгур	26.08	Священник	ВМН
Рахматов Иван Степанович	1894	Грязнуха	26.08	Колхозник	ВМН
Рогожников Трофим Леонтьевич	1868	2-е Ключики	6.08	Колхозник	ВМН
Селиванов Агафон Тихонович	1888	Грязнуха	6.08	Колхозник	ВМН
Солина Евдокия Павловна	1887	Павлово		Единоличник	ВМН
Хвостов Августин Кирилович	1888	Михайловка	6.08	Священник	ВМН
Шоломов Филипп Степанович	1893	Кр. Ясыл	6.08	Священник	ВМН

ВМН – высшая мера наказания

Учитывая, что в Опачевке и Курилово священники были репрессированы ранее, теперь еще в 6 церквях не стало священников. Избавиться от остальных местным органам НКВД помогли товарищи из Свердловска. Они переслали выписки из материалов допроса епископа пермского Савельева П.А. Как «раскрыли» чекисты, местоблюститель патриаршей должности митрополит Сергей Старгородский создал тайный «Всероссийский союз защитников церкви», в составе которого действовал «Объединенный церковно-политический центр». Его представителем на Урале и был епископ Пермский. В числе многих им был завербован Благодичный Беляевской церкви Лутков П.В. В Орду пришло распоряжение: арестовать организатора ячейки, раскрыть и ликвидировать вражескую организацию.

Местные «бойцы невидимого фронта» оказались в двусмысленном положении. В следственном деле сохранился интересный документ:

Справка. Во время ареста Лутков показаний о существовании контрреволюционной организации не давал, был арестован и осужден как одиночка. 5.11.1939 Младший лейтенант НКВД Клешиев

Священника расстреляли, ни сам он, ни следственные органы даже не подозревали, что он на самом деле руководитель «контрреволюционной фашистской повстанческой организации церковников».

Однако наверняка остались его единомышленники, значит, кто-то взял на себя роль руководителя. Начинаются аресты среди священников, дьяконов, активных верующих. Всего по процессу проходило 59 человек.

Первых подследственных арестовали 2 октября, последних 23 октября, а уже 29 октября дело рассматривала Тройка при УНКВД по Свердловской области. Вот какими были материалы допросов:

Показания СМ. (Допрос производился 21 октября 1937 года, в день ареста).

«Основная наша задача контрреволюционной организации заключалась в борьбе с Советской властью, установление капиталистического хозяйства при всемерной помощи главным образом фашистской Германии и Японии, для чего внутри страны мы должны были сколотить вокруг себя всех лиц, настроенных враждебно к партии и Советской власти и готовить их к вооруженному восстанию, которые в любой момент могли бы выступить против Советской власти и соединиться с силами интервенции...

Мы усиленно проводили вербовку в контрреволюционную организацию по всему району, имея на сегодняшний день в наличии 8 контрреволюционных ячеек. Все эти ячейки проводили свою контрреволюционную агитацию, связанную с дискредитацией вождей партии и правительства и вымышляли разные провокационные слухи о предстоящей мировой войне, в которой, мы считали, Советский Союз неизбежно понесет поражение, колхозы будут распущены. С целью развалить колхозы мы вели подрывную работу внутри колхозов через всемерную дискредитацию колхозной жизни и развал трудовой дисциплины в колхозах...»

Из 59 обвиняемых отказались признать себя виновными пять, остальные признали частично или полностью.

Поскольку следствие ударными темпами собрало доказательную базу, улики-то ведь необязательны, достаточно признание обвиняемого, к суду все было подготовлено уже 29 октября за 4 недели! Обвинение базировалось на статье 58 п. 8,10,11 УК РСФСР, приговор выносила Тройка УНКВД по Свердловской области. Для непосвящённых напоминаю, что Тройка решает дело без адвокатов, свидетелей, самих обвиняемых, достаточно тех документов, что представлены следователем. По цитированным выше документам следствия видно, что признания есть, в отношении тех, кто не признаете себя виновным, имеются показания свидетелей и других обвиняемых (Бердников В.П. лично завербовал 19 человек, Татауров 11 и т.д.). После вынесения приговора достаточно зачитать сидящим в камерах осужденным приговор и можно кого расстреливать, кого отправлять в лагеря.

Обвинительное заключение заседания Тройки при УНКВД по Свердловской области от 29 октября 1937 года.

Следствие установило следующее;

Контрреволюционная фашистская повстанческая организация церковников действовала на территории ординского и других соседних районов Свердловской области. Создана была по прямому указанию и заданию руководителя фашистской повстанческой организации на Урале епископа Свердловского Павла Савельева.

Инициатором и руководителем контрреволюционной повстанческой фашистской организации в районе являлись благочинный Беляевской церкви Лутков и священник Татауров.

Приговор был следующим:

К высшей мере наказания осуждены: Бердников Владимир Павлович, Глебов Егор Прокопьевич, Демьяненко Лукьян Пименович, Кобелев Афанасий Михайлович, Козюков Сергей Афанасьевич, Константинов Иван Антонович, Котельникова Анастасия Ивановна, Осетров Алексей Иванович, Рудаков Андрей Иванович, Сычев Егор Трифонович, Татауров Иван Петрович, Трясцын Григорий Самойлович, Савелова Лидия Васильевна, Соснин Сергей Михайлович, Чечулина Анна Герасимовна, Чумакова Ангелина Егоровна, Чураков Кузьма Григорьевич, Шадрин Василий Григорьевич, Шерстобитова Екатерина Максимовна, Шукшин Иван Николаевич.

Из 59 человек 20 было приговорено к ВМН, 39 - к 10 годам лишения свободы, не оправдан ни один! В районе не остается ни одного священника, ни одного дьякона. Теперь власть совершенно спокойно закрывает оставшиеся церкви - и вести службу в них некому, и в их защиту выступить тоже некому.

(Полностью очерк можно прочитать в газете «Верный путь», см. список лит.)

Литература:

- ✓ Алексеев, А. Волны репрессий на территории Ординского района // Верный путь. – 2007. – 30 окт.
- ✓ Быков, В. Кулацкая родня // Верный путь. – 2016. – 29 сент.
- ✓ Вичугова, Г. Из сталинской мясорубки // Верный путь. – 2011. – 28 окт.; 1 нояб.
- ✓ Вичугова, Г. Опалённые войной // Верный путь. – 2010. – 10 дек.
- ✓ Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь, 1998 -
- ✓ Гурин, И. Через славу и лагеря прошла династия Лапоновых, один из представителей которой на Колыме выступал с Руслановой в концертах // Верный путь. – 1994. – 16 июня
- ✓ Делидов, М. В жерновах террора и репрессий // Верный путь. – 2007. – 17 нояб.
- ✓ Делидова, Г. Не сдал хлеб – отдай дом // Верный путь. – 2005. – 28 окт.
- ✓ Денисова, Я. Коллективизация // Верный путь. – 2002. – 22 апр.
- ✓ Зубова, И. А спецпереселенцам оставалось молчать и думать // Верный путь. – 2001. – 29 окт.
- ✓ Новиков, В.Н. Как создавались контрреволюционные организации в 1937 году: документальный очерк-расследование // Верный путь. – 2012. – 21 авг. – С.3; 4 сент. – С.4; 28 сент. – С.4; 26 окт. – С.7; 30 окт. – С.3; 16 нояб. – С.7; 23 нояб. – С.7
- ✓ Плотникова, (Вепрева) Л.А. Об истории деревни Серкино и её жителях: альбом
- ✓ Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980 гг.: сборник документов и материалов. – Пермь, 2004. – 560 с.: ил.
- ✓ Рогожникова, В. Заключённый №880 // Верный путь. – 2001. – 29 окт.
- ✓ Севастьянов, В. К высшей мере наказания // Верный путь. – 2009. – 30 окт.
- ✓ Феденёв, Н.С. Всё началось с картины... // Верный путь. – 2016. – 27 окт.
- ✓ Чеснокова, Г. «Дорогая Леночка, я не виноват» // Верный путь. – 2015. – 5 нояб.
- ✓ Чеснокова, Е. Такая она, жизнь // Верный путь. – 2004. – 26 мая
- ✓ Яхина, Г. Как мы выжили... // Верный путь. – 2006. – 28 окт.

**Мемориал жертв политических
репрессий 1930-1950-х годов**
(12-й километр Московского тракта
г. Екатеринбурга)

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осуждённых полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь.

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В тёмной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлёвскими башнями выть.

А.Ахматова
из поэмы «Реквием»
1935, Москва